

16 81 632-03-0
6) 4-47
1248678
1249578

✓ P. 00 - 00

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
Институт гуманитарных исследований**

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
Кабардино-Балкарский государственный университет**

М.З.Улаков, А.А. Чеченов

**ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ
КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОГО
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА**

(спецкурс)

Нальчик - 2001

~~У 47~~
У 47
Ч 57

Рецензент:

доктор филологических наук, профессор Ж.И.Гузеев.

Улаков М.З., Чеченов А.А.

У 47 Письменные памятники тюркских языков как источник
Ч 57 истории современного карачаево-балкарского языка
(спецкурс). – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2001.
– 52 с.

Настоящая работа представляет собой краткий очерк по изучению письменных памятников кыпчакских языков. В качестве важного источника истории карачаево-балкарского языка рассматриваются языки таких письменных памятников, как "Кодекс Куманикус", текстов тюркоязычных армян, каримских текстов, а также язык мамлюкско-кыпчакских письменных памятников.

Учебное пособие предназначено для студентов и аспирантов филологических отделений Кабардино-Балкарского государственного университета и Карачаево-Черкесского государственного педагогического университета.

© Улаков М.З., Чеченов А.А., 2001

Письменные памятники кыпчакских языков

Наиболее ранние письменные памятники кыпчакского языка датируются серединой XII века. В это время в низовьях Сыр-Дарьи широкое распространение получили мистические стихи известного суфиста Ахмеда Ясеви (родился во второй половине XI века в городе Сайрам и умер в 1166 году). Наиболее ранний список "Хикметов" ("Мудрые поучения") Ахмеда Ясеви, хранящийся в Стамбуле, относится к 1105 году. Специалисты язык "Хикметов" Ахмеда Ясеви считают в своей основе кыпчакским и относят к j-группе, однако при этом подчеркивают, что он испытал определенное влияние со стороны языка огузских племен и не свободен от влияния литературной традиции, сложившейся во времена создания "Кутадгу билиг" Юсуфа Баласагунского (Наджип Э.Н. Тюркоязычный памятник XIV века "Гулистан" Сейфа Сарай и его язык". – Алма-Ата: Наука, 1975. – ч.1. – с.10), поэтому его квалифицируют как смешанный огузо-кыпчакский (А.К.Боровков), кыпчакско-огузский (Э.Н.Наджип), восточно-тюркский (Кёпрюлю-заде) и т.д.

В 1212 году появляется первое оригинальное тюркоязычное поэтическое произведение "Юсуф и Зулейха" ("Кысса-и Юсуф"), принадлежащее поэту Кул Али. К.Броккельман, впервые исследовавший поэму "Кысса-и Юсуф", относит этот памятник к южным, огузским языкам, казанские исследователи совершенно необоснованно причисляют к болгарской ветви

тюркских языков, А.К.Боровков не сомневается в среднеазиатском происхождении памятника. Можно предполагать, что это один из тех первых письменных памятников, язык которых, будучи огузским в своей основе, испытал значительное воздействие со стороны кыпчакских диалектов.

На территории Татарстана обнаружены десятки списков поэмы "Кысса-и Юсуф" Кул Али, но все они относятся к позднему периоду и датируются XVIII-XIX веками (Кол Гали. Кыйссаи Йосыф: Йосыф турында кыйсса. – Казан: Тат. кит. нэшр., 1983. – с. 426-494).

В начале XIII века вместе с монголами Среднюю Азию и Восточную Европу заполнили новые пришельцы – тюркоязычные кочевые племена, в том числе и кыпчаки. Этнический и языковой состав населения Золотой Орды был чрезвычайно пестрым, поэтому однозначно определить точную этнолингвистическую принадлежность литературных памятников, созданных в золотоордынскую эпоху на огромной территории, не всегда представляется возможным. Специалисты обычно считают языки тюркских письменных памятников золотоордынской эпохи смешанными огузо-кыпчакскими или кыпчакско-огузскими.

В XIV веке в Золотой Орде бурно развивается культура, создаются многочисленные литературные памятники самого различного содержания опять-таки на смешанных, но значительно отличающихся друг от друга тюркских литературных языках. Исследователи литературных тюркских языков обыч-

но выделяют ряд смешанных языков, в сложении которых в той или иной мере участвовали кыпчакские диалекты:

1. смешанный огузско-кыпчакский письменный язык, отражающий особенности языка огузских племен, пришедших в Египет при сельджукидах, особенно при айюбидах, и язык кыпчакских племен, пришедших сюда вместе с огузами;
2. смешанный кыпчакско-огузский письменный язык, сложившийся в XII веке в низовьях Сыр-Дарьи, находит дальнейшее свое развитие и распространение в мамлюкском Египте;
3. в низовьях Волги и в северном Хорезме на основе языка огузско-туркменских племен сложился своеобразный письменный язык s-группы тюркских языков, который испытал влияние языка кыпчакских племен и уйгурской литературной традиции периода правления караханидов и т.д. (Подробнее см.: Наджип Э.Н. Тюркоязычный памятник XIV века "Гулистан" Сейфа Саран и его язык. – Алма-Ата: Наука, 1975. – Ч. 1. – с. 16-17).

Памятником этих смешанных языков являются "Мухаббатнаме" Хорезми (Хорезми. Мухаббатнаме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э.Н.Наджиба. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961), "Нахдж аль-Фарадис" (J.Eckman. *Nehü'l Feradis: Türkbasım.* – Ankara, 1956. – Т. 1), перевод с персидского поэмы Низами "Хузами "Хусрау и Ширин", выполненный Кутбом (Наджип Э.Н. Историко-сравнительный

словарь тюркских языков XIV века: На материале "Хосрау и Ширин" Кутба. – М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1979. – кн. 1; Za-
jczkowski A. Najstarsza wersja turecka "Husrāv u Širīn" Qutba.
Warszawa, 1958-1961. – т. 1-3), поэтом Сейфом Сарай с пер-
сидского языка переводится на кыпчакско-огузский поэма
"Гулистан" Саади (Наджип Э.Н. Тюркоязычный памятник XIV
века "Гулистан" Сейфа Сарай и его язык. – Алма-Ата: Наука,
1975. – Ч. 1-2) и т.д. Арабскими филологами создаются соот-
ветствующие грамматики и словари.

Сопоставительное изучение письменных памятников, соз-
данных в Египте на кыпчакско-огузском языке, и памятников,
созданных на территории Золотой Орды на этом же языке, об-
наруживает, что язык этих памятников в своей основе кыпчак-
ский, испытавший определенное влияние диалектов, входя-
щих в огузскую группу тюркских языков. Следовательно, в
XIV веке оформляется во многом общий для Египта и Золотой
Орды кыпчакско-огузский литературный язык j-груп-пы.

В основе таких письменных памятников, как "Хусрау и
Ширин" Кутба, "Сирадж ал-кулуб" ("Светоч сердец"), средне-
азиатский "Тефсир", "Сказания о пророках" Рабгузи (Наджип
Э.Н. Датированная рукопись XVI века Сирадж ал-кулуб. – М.:
Наука, 1960; Боровков А.К. Лексика среднеазиатского тефсира
XII-XIII вв. – М.: Наука, 1963; Кыссас ал-анбих Рабгузи. – Ка-
зан, 1881 – на араб. графике) лежит язык огузских племен, с
сильным влиянием кыпчакских диалектов и караханидско-
уйгурской литературной традиции. Специалисты этот язык

называют огузско-кыпчакским литературным языком Нижнего Поволжья и Хорезма, или же золотоордынско-хорезмийским. Его ареал ограничивался Поволжьем, где он продолжал функционировать вплоть до начала XX века, а в Средней Азии он был вытеснен языком j-группы (Наджип Э.Н. Тюркско-язычный памятник XIV века "Гулистан" Сейфа Сарай и его язык. – Алма-Ата: Наука, 1975. – Ч. 1. – с. 18).

Государственным языком Золотой Орды был кыпчакский язык, однако, в официальных документах чувствуется достаточно сильное влияние диалектов огузской группы. На такой смешанной кыпчакско-огузской основе XIV веке сложился смешанный литературный язык, который впоследствии трансформировался в официальный язык Золотой Орды, более известный как "тюрки Поволжья и Урала".

Из источников на арабском языке, касающихся кыпчакского языка, отметим "Тюркско-арабский словарь", составленный в Египте в 1245 году и изданный голландским тюркологом М.Т.Хоутсма в Лейдене в 1894 году (Houtsma M.Th. Ein türkisch-arabisches Glossar. – Leiden, 1894).

Некоторые ученые термин "кыпчакский" (в составе лингвонима "кыпчакские языки") считают скорее географическим, чем сугубо лингвистическим (см., например: Deny J. L'armeno-coman et les Ephemerides' de Kamieniec (1604-1613). – Paris, 1957. – P. 10), и употребляют его для общего названия кыпчакской группы языков в целом (в смысле "западнотюркские", "северо-западные" в нашей отечественной

терминологии) и в его составе выделяют собственно "куманскую" (или половецкую) подгруппу, куда включают кроме живых западных кыпчакских языков (включая южные: кумыкский, карачаево-балкарский, караимский, крымско-татарский*); и северные: татарский, башкирский с их диалектами), языки таких письменных памятников, как "Кодекс Куманикус" (который мы далее будем называть "куманским", или "половецким"), текстов тюркоязычных армян ("армяно-куманский", или "армяно-половецкий"), а также караимских текстов ("еврейско-куманский"). Таким образом язык указанных письменных памятников рассматривается как особый язык в составе юго-западной (куманской, понто-каспийской) группы кыпчакских языков. Из отечественных ученых по отношению к языку указанных письменных памятников применили термины "куманский" ("половецкий") Т.И.Грунин (Грунин Т.И. Документы на половецком языке XVI века. Судебные акты каменец-подольской армянской общины. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1967), А.Н.Гаркавец (Гаркавец А.Н. Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский. – Алма-Ата: Наука, 1987) и др.

---

* Здесь и везде, где особо не оговорено, авторы под "крымско-татарским" подразумевают лишь северные (или степные) диалекты этого языка.

Мамлюкско-кыпчакские памятники

Важным источником для изучения истории кыпчакских языков является язык так называемых мамлюкско-кыпчакских письменных памятников – арабско-кыпчакских глоссариев, грамматик, а также переводных литературных произведений XIII-XVIII веков, созданных в мамлюкском Египте в течение около 250 лет.

В мамлюкско-кыпчакских памятниках Египта отражены элементы кыпчакского и огузского разговорных языков, так как по своему этническому составу тюркскоязычные мамлюки представлены главным образом кыпчакскими и огузскими переселенцами в Египет.

Кыпчакские этноязыковые компоненты попадали в Египет в разное время разными путями и из различных регионов их первоначального расселения. Появление первой волны кыпчакскоязычных тюрков в далеком Египте объясняется тем, что их продавали в рабство из южнорусских степей. Вторая волна кыпчаков появилась в Египте в монгольскую эпоху. Спасаясь от монгольских завоевателей, большие массы кыпчакского населения из Дешти Кыпчака бежали в Египет и другие страны Ближнего Востока. И, наконец, третья большая волна кыпчаков проникает в Египет после прихода к власти мамлюков и создания ими обширного государства, охватившего территории Египта, Сирии и некоторых анатолийских районов Малой Азии. В период возвышения мамлюкского государства

(1260-1517 гг.) в Египет мигрирует большая группа кыпчакоязычного населения из обширных регионов Золотой Орды, в составе которой было значительное число родственников правящей мамлюкской династии (Зайончковский А. Арабско-кыпчакский словарь эпохи мамлюков // Сообщения польских ориенталистов. – М., 1961. – Вып. 2. – с. 37-38; Курышжанов А.К. Исследование по лексике "Тюркско-арабского словаря". – Алма-Ата; Наука, 1970. – с. 17-19; и др.).

В мамлюкском Египте широкое распространение получил кыпчакский язык, так как правители государства мамлюков говорили на тюркском (кыпчакском) языке, поэтому многие местные арабы, стремясь заслужить расположение своих правителей, овладевали кыпчакским языком. К тому же правители мамлюкского государства также не могли обходиться без переводчиков с арабского языка. В результате сложения таких сложных культурно-языковых взаимоотношений в мамлюкском государстве многие арабоязычные сочинения переводились на тюркский язык и, наоборот, с тюркского на арабский. Таким образом возникали арабско-кыпчакские грамматики и глоссарии.

Язык мамлюкско-кыпчакских письменных памятников, по утверждению специалистов, не был чем-то единым и однородным. В мамлюкском государстве, помимо подавляющей массы кыпчаков, обитали и другие тюркские племена, в частности – огузы, туркмены и др. Так, составитель анонимного "Тюркско-арабского словаря" (Китаб-и меджму-у терджуман

тюрки ве 'аджами ве моголи ве фарси" – "Общая книга толкования тюркско-персидского и монгольско-персидского языков") неоднократно подчеркивает, что ему известно несколько тюркских наречий – "чисто тюркский" (ал-тюрки), или "тюркско-кыпчакский" (ал-кифчаки) и туркменский (ал-тюркменийя). "Чисто тюркским", или "тюркско-кыпчакским", автор называет собственно кыпчакский (в современном понимании) язык и в основном занимается им, а второй язык рассматривает как смешанный, содержащий в себе много заимствованных арабских и персидских элементов, и обращается к нему как к дополнительному объекту исследования (Курышжанов А.К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. – "Тюркско-арабского словаря". – Алма-Ата, 1970. – с. 16). Надо отметить, что в XIII веке термины "кыпчак" и "тюрк" зачастую употреблялись в качестве равнозначных синонимов и замещали друг друга (См.: Зайончковский А. К изучению средневековых памятников тюркской письменности (XI-XVI вв.) // Вопросы языкознания. – М., 1967. - № 6. – с. 83).

Венгерский исследователь Т.Халаши-Кун в языке мамлюкско-кыпчакских письменных памятников устанавливает по крайней мере три диалекта тюркских языков: 1) собственно кыпчакский; 2) собственно огузский и 3) смешанный кыпчакско-огузский (Halasi-Kun T. Die mameluk-kiptschakischen Sprachstudien und die Handschriften in Stambul // Kórosi Csoma Archivum. – Bedapest, 1940. – Bd. 3. – Th. 1 – S. 80-83). К тако-

му же выводу пришли и другие исследователи языка мамлюкско-кыпчакских памятников, в частности, О.Прицак (Pritsak O. *Das kiptschakische // Philologiae Turcicae Fundamenta*. – Wiesbaden, 1959. – Т. 1. – S. 74-75), А.К.Курышжанов (Курышжанов А.К. К истории изучения разговорной речи кыпчаков XIII-XIV вв. // *Известия АН Казахской ССР: Серия общественная*. – Алма-Ата, 1970. – № 6. – с. 53-54) и др.

К мамлюкско-кыпчакским письменным памятникам тюркских языков средневековой эпохи в первую очередь относятся лексикографические и грамматические работы, выполненные в мамлюкском государстве и датируемые XIII-XIV веками. Они выполнены в арабском государстве мамлюков арабскими и тюркскими учеными-филологами средневековья. Эти уникальные памятники кыпчакского и огузского тюркских языков являются важными источниками для реконструкции фонетической системы пракупчакского (resp. пратюркского) языка и изучения истории формирования и развития ряда современных тюркских языков, входящих в кыпчакскую и огузскую группы.

Среди мамлюкско-кыпчакских письменных памятников в рамках настоящего исследования особого внимания заслуживают такие труды арабских и тюркских филологов, как анонимный "Китаб-и Меджму-у треджуман тюрки ве аджами ве монголи ве фарси" ("Общая книга толкования тюркского, монгольского и персидского языков"), "Китаб-у булгат ал-муштак фи лугат ат-тюрк в-ал-кыфчак" ("Книга, достаточная для

удовлетворения желаний знать тюркские и кыпчакские языки") Джамал ад-дина Абу-Мухаммеда Абдуллаха ат-Тюрки, "Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атра́к" ("Книга толкования о языке тюрков") знаменитого арабского ученого-энециклопедиста Асир-уд-Динаа Абу-Хайяна ал-Андалуси, "Китаб ат-тухфат уз-закийяа фи-л-лугат ит-тюркийяа" ("Приятный подарок для изучения тюркского языка", более известного под названием "Изысканный дар тюркскому языку") (См.: Изысканный дар тюркскому языку (Грамматический трактат XIV века на арабском языке): Введение, лексико-грамматический очерк, перевод, глоссарий, грамматический указатель Э.И.Фазылова и М.Т.Зияевой. – Ташкент: Фан, 1978), анонимного "Ал-каваин ал-куллия ли-дабт ал-лугат ат-тюркийяа" ("Полное руководство для обладания языком тюрков", или "Полное пособие для изучающих тюркский язык") и др.

Междialeктные особенности, зафиксированные в указанных письменных памятниках XIII-XV веков, являются важными источниками для изучения истории и развития фонетического строя современных кыпчакских языков, с одной стороны, а также для корректировки и верификации пракыпчакских внутренних реконструкций – с другой. Историко-лингвистические исследования языка мамлюкско-кыпчакских письменных памятников показывают историческую преемственность между ними и половецкими (куманскими, кыпчакскими) и живыми современными языками, закономерно и обоснованно объединяемыми в единую кыпчакскую ветвь тюркской семьи язы-

ков (См.: Сауранбаев Н.Т. Некоторые черты древне-кыпчакского языка // Вестник АН Казахской ССР. – Алма-Ата, 1948. - № 12. – с. 11-18; Тенишев Э.Р. Место кыпчакского языков (половецкого, куманского) и печенежского среди современных тюркских языков // Известия АН Казахской ССР: Серия общественная. – Алма-Ата, 1970. - № 5. – с. 78-81 и др.). В связи с этим со всей очевидностью следует несколько подробнее остановиться на специфических особенностях языка мамлюкско-кыпчакских письменных памятников. Такой филологический экскурс в природу языковой основы этих памятников чрезвычайно важен в рамках настоящей работы, посвященной реконструкции пракыпчакской фонетической системы, ибо языки мамлюкско-кыпчакских письменных памятников в основном являются смешанными "кыпчакско-огузскими", и для корректности предполагаемых реконструкций пракыпчакских фонем чрезвычайно актуальна проблема чистоты и надежности репрезентативного эмпирического материала.

"Китаб-и Меджму-у терджуман тюрки ве эджеми ве могили ве фарси" ("Общая книга толкования тюркского, монгольского и персидского языков") – замечательный лексикографический двуязычный памятник XIII века, в котором зафиксирован в основном диалект западно-кыпчакского (или куманского) языка с некоторыми элементами огузского типа. Автор данного труда неизвестен.

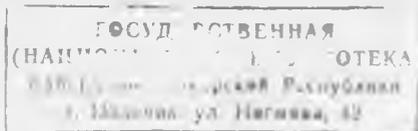
Оригинал рукописи данного памятника хранится в Лейденской библиотеке в Голландии. Рукопись оригинала так называемого "Тюркско-арабского словаря" состоит из 76 листов большого формата. В рассматриваемом нами памятнике после тюркско-арабского словаря содержатся также монголо-персидской и арабско-монгольский словари. По некоторым исследованиям специалистов, данный лексикографический труд относится к середине XIII века. Так, например, М.Т. Ходутсма предполагает, что составление данного многоязычного словаря было завершено 28 января 1245 года (27 ша'бана 643 года по хиджре) в Египте или, возможно, в Сирии.

В рассматриваемом нами в качестве одного из важных источников для реконструкции пракыпчакской фонологической системы памятников данный "Словарь" в основном содержит лингвистические сведения, близкие к известным памятниками западно-кыпчакского ареала и к современным кыпчакским языкам юго-западной (куманской, понто-каспийской) группы. Уже одно это свидетельствует о том, что западно-кыпчакские (половецко-кыпчакские – по терминологии Н.А.Баскакова) языки по своему фонетическому строю стоят относительно близко к более ранним диахроническим уровням, вплоть до пракыпчакского состояния.

Поскольку в мамлюкское государство переселялись и значительные группы тюркского населения, говорившего на огузских диалектах, в частности – исторические предки современных туркмен, турок, азербайджанцев и др., в языке данного

памятинка представлены и слова, содержащие явно огузский (или уйгурский) прототип, а также опосредованные персидским языком арабизмы и собственно фарсизмы, которые оказали определенное влияние на все строевые уровни среднекыпчакского языка. Практически все исследователи данного памятника отмечают в его языке явно огузские строевые элементы, чуждые для кыпчакского языка. Такое положение вещей относительно данного памятника сужает наши возможности в реконструкции пракыпчакского фонетического состояния. Поэтому письменные памятки кыпчакского языка мамлюкской эпохи, как, например, "Тюркско-арабский словарь" и др. требуют предварительной лингвистической верификации репрезентативного эмпирического материала не только на уровне лексики, но и со стороны компаративистских данных, добытых современным тюркским языкознанием на всех строевых уровнях языка, в том числе, и фонетики. Надо признаться, что из-за чрезвычайной близости разных ветвей и групп (подгрупп) древних и новейших тюркских языков на всех уровнях своих строевых элементов, в том числе и фонетики, чрезвычайную актуальность приобретает разработка методики выделения специфических фонетических особенностей каждого из отдельных языков, в т.ч. не только живых, но и языков письменных памятников.

В тюркологической литературе существуют различные точки зрения на истинную природу языка, легшего в основу данного памятника. По мнению авторитетнейшего и беском-

промиссного исследователя языковых особенностей тюркоязычных письменных памятников средневековой эпохи Э.Н.Наджиба, "Китаб-и Меджму-у терджуман тюрки ве эджеми ве моголи ве фарси", лингвистический труд, более известный под сокращенным названием "Тюркоско-арабский словарь" был составлен неизвестным филологом в Египте еще до прихода к власти мамлюков. Данный арабско-тюркский лексикографический труд содержит около 1260 тюркских слов, из которых только около 70 снабжены пометками "туркменское" (т.е. "огузское"). Естественно, в основе данного словаря лежит тюркский язык (западно) кыпчакского типа.

Впервые этот замечательный памятник тюркской лексикографии появился в свет благодаря стараниям крупного голландского ориенталиста-тюрколога, ираниста и арабиста М.Т.Хоутсма. "Тюркоско-арабский словарь" (по Лейденской рукописи) впервые увидел свет в его издании. М.Т.Хоутсма тщательно изучил языковые особенности этого памятника и опубликовал его текст в латинской транскрипции, снабдив его прекрасным немецким переводом (Ein türkisch-arabisch Glossar: Nach der Leidener Handschrift / Herausgegeben und erläutert von M.Th. Houtsma. – Leiden; E.I. Brill, 1894). Из отечественных исследователей советского периода много сил, труда и времени посвятил изучению языка этого замечательного памятника известный узбекский тюрколог А.Юнусов, который тщательно изучил морфологию и лексику данного памятника (Юнусов А. Исследование памятинка XIV в. "Таржуман турки ва 'аджами

ва мугали" (морфология, лексика, словарь, перевод) / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1973).

В аспекте исследования фонетического строя прақыпчакского языка было бы методологически недостаточно правомерным использование репрезентативного языкового материала данного смешанного по своей природе памятника в качестве опорных или аргументативных фактов. Тем не менее, материалы данного письменного памятника дают прекрасный эмпирический материал для перекрестной корректировки предпринимаемых нами "внутренних" реконструкций.

"Китаб-у булгат ал-муштак фи лугат ат-турк в-ал-кыпчак" ("Книга, необходимая для удовлетворения желания познать тюркский и кыпчакский языки") – замечательный письменный памятник истории тюркских языков, рожденный благодаря усилиям Джамал-ад-Дина Абу-Мухаммеда Абдуллаха ат-Турки. Рукопись этого труда хранится в настоящее время в Национальной библиотеке Франции в Париже.

Дата написания этого памятника до сих пор не установлена, но специалисты относят его к середине XIV века. По мнению польского исследователя А.Заянчковского, данный труд скорее всего был составлен в середине XIV века в Сирии.

Памятник этот был издан польским языковедом Ананием Заянчковским (Zajączkowski A. Słownik arabsko-kipczacki okresu Państwa mameluciego BuWat al-mustag fi'luWat at-turk wa l-gifzaq. – Warszawa, 1954. Cz. II; его же. Vocabulaire arabe-

kiptchak de l'epoque de l'Etat Mamelouk "BulWat al-mustag fi'luWat at-turk wa l-gifzaq" Warszawa, 1958. – I part).

В языковом отношении этот памятник довольно сложный, в нем наряду с чисто кыпчакскими материалами сочетаются и огузские факты, поэтому использование материалов этого документа для внутренней реконструкции пракыпчакской фонетической системы весьма проблематично.

Как это установлено выдающимся специалистом в области языка средневековых тюркских письменных памятников Э.Н.Наджибом, в данном труде представлены материалы как кыпчакского, так и огузского языков, однако "в словаре туркменско-огузских слов больше кыпчакских" (Наджиб Э.Н. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века / Автореф. дис. канд филол. наук. – М., 1965. – 31 с.). Всестороннее изучение этого памятника принадлежит замечательному узбекскому тюркологу Ш.А.Файзуллаевой (Файзуллаева Ш.А. Исследование языка памятника XIV века "Китабу булгат ал-муштак фи лугат ат-турк вал-кифчак" Джамал ад-дина Ат-Турки: (Грамматика, лексика, глоссарий и перевод памятника) // Автореф. дис. ... канд филол. наук. – Ташкент, 1969).

Материалы этого памятника, несмотря на его смешанный характер и противоречивость языковых (в первую очередь – фонетических: огузский? кыпчакский?) материалов, имеют определенную фактологическую ценность при реконструкции пракыпчакской фонетической системы.

"Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак" ("Книга – толкование о языке тюрок"), написанный знаменитым арабским ученым Асируддином Абу-Хаййаном ал-Андалуси в 1312 году в Каире, содержит богатый материал по кыпчакско-огузскому смешанному языку мамлюкских тюрок. Эта замечательная работа Абу-Хаййана дошла до нас в двух поздних копиях, ныне хранящихся в Стамбуле. Имеется несколько изданий труда Абу-Хаййана (Caferoglu A. Abu-Hayyan: Kitab al-Idrak li-Lisan al-Atrak. – Istanbul, 1936). Исследованию особенностей языка этого памятника посвящены работы Н.А.Расуловой (Расулова Н.А. Исследование языка "Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак" Абу-Хаййана (морфология, лексика, глоссарий) / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1969), М.Н.Маженовой (Маженова М.Н. Абу-Хаййан – исследователь кыпчакского языка. (Материалы к истории казахского языка) / Афтореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1969) и др.

Словарь Абу-Хаййана содержит около 3500 тюркских слов, многие из которых снабжены пометками, указывающими на их диалектную принадлежность: кыпчакский, огузский, тюркский, туркменский, татарский, уйгурский, туркестанский и т.п. В виду такой чрезвычайной пестроты лингвистического материала, при реконструкции пракыпчакской фонетической системы данными словаря Абу-Хаййана следует пользоваться с большой осторожностью. Поэтому в данной работе материалы Абу-Хаййана используются крайне редко.

"Китаб ат-тухфаг аз-закийя фи-л-лугат ат-туркийя" ("Изысканный дар тюркскому языку") – грамматический трактат неизвестного арабского автора XIV века, посвященный изучению языка мамлюкских кыпчаков. Полагают, что данный труд был создан в Египте или в Сирии. Некоторые исследователи считают, что "Изысканный дар тюркскому языку" был создан в Египте, а его составитель был выходцем из Сирии, либо долгое время жил в Сирии. К такому мнению ученые пришли в ходе изучения лингвистических особенностей арабской части рукописи, содержащих явно выраженные особенности сирийских диалектов арабского языка.

Рукопись данного труда хранится в Стамбуле. Трактат состоит из краткого фонетического введения, арабско-тюркского словаря, содержащего около 3 тысяч слов и грамматического очерка тюркского языка. В настоящее время имеется несколько изданий этого уникального в своем роде труда (Halasi-Kun T. *La langue de Kiptchaks d'après un manuscrit arabe d'Istanboul.* – Budapest, 1942; Ettöhfet-üz-zekiyye fil-lügat-it-Türkiyye / Çeviren Besim Atalay. – Istanbul, 1945; Аттухфатуз закияту филлуғатит туркия [Туркий тил (йипчой тили) хакида ноёб тухфа] / Таржимон ва нашрга тайёрловчи С.М. Муталлибов. – Ташкент, 1968). В 1978 году в Ташкенте был осуществлен русский перевод данного труда, подготовленный узбекскими тюркологами Э.И.Фазыловым и М.Т.Зияевой (Изысканный дар тюркскому языку: (Грамматический трактат XIV в. на арабском языке) / Введение, лексико-грамматический

очерк, перевод, глоссарий, грамматический указатель Э.И.Фазылова и М.Т.Зияевой. – Ташкент: Фан, 1978).

В данном памятнике, посвященном описанию языка мамлюкских кыпчаков, имеется также сравнительный материал по ряду тюркских языков и диалектов – туркменского, карлукского, татарского и др.

"Ал-каванин ал-куллия ли-дабт ал-лугат ат-туркийя" ("Полное руководство для изучающих тюркский язык") – труд неизвестного автора, состоящий из грамматического очерка и небольшого словаря объемом около 500 слов. Исследователи данного труда полагают, что он создан на рубеже XIV-XV веков в Египте и содержит материалы смешанного кыпчакско-туркменского языка тюрков, переселенных в Египет из южно-русских степей. В настоящее время в распоряжении тюркологов имеется два издания этого уникального в своем роде труда, выполненные Килисли Рифатом (Rifat K. Al-qawanin al-kulliya li-dabt al-lugat at-turkiya. – Istanbul, 1928) и С.Телегди (Telegdi S. Eine türkische Grammatik in arabischen Sprache aus dem XV. Jhat. // Körösi Csoma Archivum. – Budapest, 1937. – Hf. 3. – S. 282-326).

Уже из такого беглого обзора мамлюкско-кыпчакских письменных памятников видно, что в языковом отношении практически все они являются смешанными и помимо собственно кыпчакского материала содержат многочисленные элементы других, в первую очередь, огузских, тюркских языков. Лингвистический материал мамлюкско-кыпчакских памятни-

ков чрезвычайно важен для изучения истории кыпчакских языков в XIII-XV веках, однако, из-за своего смешанного характера, требует предельно осторожного обращения к ним в процедуре реконструкции пракыпчакской фонетической системы.

Надо также отметить, что все мамлюкско-кыпчакские памятники созданы на арабской графической основе, а арабская графика, содержащая всего три знака для обозначения гласных, мало пригодна для передачи всего звукового богатства тюркских языков, в частности, вокализма. Точное транскрибирование тюркских слов из арабографических источников, из-за отсутствия огласовки и других побочных факторов, бывает весьма затруднительным. В существующих публикациях, по известным причинам, связанным со своеобразными особенностями арабского письма (ограниченным количеством графических знаков для обозначения гласных звуков, или их отсутствием, передачей нескольких согласных звуков одним и тем же знаком и т.д., и т.п.), часто одно и то же слово разными исследователями транскрибируется в самых различных вариантах. Такое положение вещей вынуждает нас крайне осторожно вовлекать в корпус основного исследования репрезентативный эмпирический материал практически почти всех письменных памятников кыпчакского языка (и не только арабографичных). Более надежными источниками для реконструкции пракыпчакского состояния представляются данные современных кыпчакских языков, поэтому в своих реконструкциях мы в ос-

новном опираемся на данные живых языков, а к письменным памятникам прибегаем только в необходимых случаях.

Разумеется, и живые кыпчакские языки представляют собой не нечто однородное, стерильное. За многовековую историю своего развития практически все кыпчакские языки неоднократно вступали в разного рода контакты со многими другими тюркскими (булгарскими, огузскими, карлукскими и т.д.), а также иносистемными языками, что не могло не сказаться и на фонетическом строе каждого отдельного языка. Однако надо иметь в виду, что звуковые субституции в заимствованных словах, по-видимому, в каждом языке подчиняются определенным закономерностям и не носят случайного характера. Звуковые субституции являются результатом приспособления заимствованного слова к новой фонологической системе, в которой дифференциальные признаки фонем сочетаются несколько иначе, чем в языке доноре. Сказанное особо важное значение имеет по отношению к заимствованиям из близкородственных языков, каковыми являются большинство тюркских языков. Так, например, даже относительно поздние огузские проникновения в татарском языке в звуковом отношении, как правило, полностью перестраиваются согласно законам фонетики татарского языка, не внося в его фонетический строй какие-либо существенные филологические сдвиги и изменения. В необходимых случаях иноязычные вкрапления можно выделить по морфологическим, лексико-семантическим, ареально-географическим, историко-культу-

рологическим критериям и исключить из корпуса исследования.

Что же касается письменных памятников смешанного (кыпчакско-огузского, кыпчакско-уйгурского и др.) характера, то в них как бы собран материал из двух параллельно существовавших языков и фонетической адаптации между ними не наблюдается. Все это накладывает определенные ограничения на использование материалов смешанных письменных памятников в исследованиях, направленных на реконструкцию фонетического строя праязыкового уровня.

Codex Cumanicus

Материалов, относящихся к письменным памятникам кыпчакского языка домонгольского периода немного. Незначительные материалы кыпчакского (половецкого, куманского) языка представлены в замечательном словаре Махмуда Кашгарского "Дивану лугат ит-тюрк" ("Диван тюркских языков", "Собрание тюркских языков", "Словарь тюркских языков"), относящемся ко второй половине XI века (1072-1074 гг.) (Махмуд Кошғарий. Девону луғатит тюрк: Уч томлик, Таржимон ва нашрга тайёрловчи С.М.Муталлибов. – Тошкент, 1960. – т. 1; 1961. – т. 2; 1963. – т. 3; 1967. – т. 4), в русских летописях (главным образом ономастическая лексика), а также в венгерских хрониках.

Крупнейшим письменным памятником кыпчакского (половецкого, куманского) разговорного языка золотоордынского периода является "Кодекс Куманикус", который является замечательным источником в компаративном изучении истории становления и развития практических всех современных языков кыпчакской группы.

"Кодекс Куманикус" (Codex Cumanicus) был создан в конце XIII – начале XIV вв. францисканскими миссионерами, путешествовавшими по южнорусским степям до низовьев Волги, в качестве пособия по разговорной речи кумано-половцев или, по современной терминологии, кыпчаков. Рукопись "Куманского Кодекса" была обнаружена в библиотеке собора св. Маркуса в Венеции среди драгоценностей особого рода. Поэт и библиофил Ф.Петрарка в свое время получил его от некоего Антониуса Финале, и в 1362 году вместе с другими своими книгами подарил республике Венеция.

Время и место написания рукописи "Кодекс Куманикус" до настоящего времени досконально не установлены. Полагают, что она была составлена между 1303 (дата, указанная в самой рукописи) и 1362 годом (время передачи ее Ф. Петраркой в Венецианскую библиотеку) (Курышжанов А.К., Репин Б.И. К истории изучения языка древнекыпчакских памятников XIII-XVII вв. // Известия АН Казахской ССР. Серия общественная. – Алма-Ата, 1966. - № 4. – С. 38-39; Чеченов А.А. Язык памятника XIV века Codex Cumanicus в ареальном освещении. – М.: Наука, 1978; Gabain A.M. von Die Sprache des Codex

Cumanicus // Philologiae Turcicae Fundamenta. – Wiesbaden, 1959. – Т. 1 – S. 46-73).

По мнению Д.А.Расовского, дошедшая до наших дней рукопись "Кодекс Куманикус" является копией древнего оригинала, восходящего к XII веку (Расовский Д.А. К вопросу о происхождении Codex Cumanicus // Seminarium Kondakovianum. – Prague, 1929. – Т. 3. – с. 207-212).

"Кодекс Куманикус" состоит из двух частей: первую его часть составляет латинско-персидско-куманский словарь, а вторую – переводы отрывков произведений христианско-религиозного содержания на куманский (половецкий, кыпчакский) язык, примеры разговорной речи, тексты светского содержания, а также куманские загадки. Исследователи полагают, что авторы-составители "Кодекса" преследовали сугубо практические цели и подготовили своеобразное учебное пособие для изучения куманского языка жителями итальянских колоний. Действительно, итальянские купцы постоянно сталкивались с персами и половцами и нуждались в пособиях по языкам этих народов.

Полагают, что "Кодекс Куманикус" был создан в Солхате (Эски Кырым, Старый Крым), который в XIII веке стал одним из цветущих городов Причерноморско-Каспийской области, а в золотоордынскую эпоху еще и резиденцией наместника ордынского хана. Кроме этого О.Блау местом создания "Кодекса" предполагал "торговые центры Приазовья", а С.Иречек, более конкретно, Кафу или "вообще Крым" (Расовский Д.А. К

вопросу о происхождении Codex Cumanicus // *Seminarium Kondakovianum*. – Prague, 1929. – Т. III. – С. 207-212).

Современная тюркология обладает несколькими изданиями "Куманского Кодекса" на французском, немецком, латинском русском и других языках.

Первое издание "Кодекс Куманикус" на французском языке было осуществлено Г.Ю.Клапротом еще в 1828 году под названием "Латинско-персидско-команский словарь из библиотеки Франциска Петрарки" (Klaproth J. *Vocabulaire latin, persan et coman de la bibliotheque de Francesce Petrarcha // Memoires relatifs à l'Asie*. – Paris, 1828. – III. – P. 113-256).

Следующее издание этого ценного памятника куманского языка принадлежит венгерскому ученому Геза Кууну, который опубликовал его в 1880 году на латинском языке под названием "Кодекс Куманов из библиотеки при соборе святого Марка Венецианского" (Kuun G. *Codex Cumanicus bibliothecae ad templum divi Marci Venetiarum*. – Budapest, 1880).

В 1887 году В.В.Радлов издал данный памятник (в неполном виде) на немецком языке под названием "Тюркские языковые материалы Кодекса куманов", причем материал был подан на кириллической транскрипционной основе (Radloff W. *Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus*. – SPb., 1887).

Огромный вклад в дальнейшее изучение "Кодекса куманов" внес датский ученый К.Грэнбек, которому тюркология обязана двумя изданиями этого уникального памятника. Первое фак-

симильное издание увидело свет в 1936 году (Grønbech K. Codex Cumanicus: In Faksimile / Herausgegeben mit einer Einleitung von K. Grønbech. – Kopenhagen, 1936). В 1942 году К. Гренбек осуществил второе издание этого памятника на немецком языке под названием "Команский словарь: Индекс тюркских слов по Кодекс Куманикус" (Grønbech K. Komanisches Wörterbuch. Fürkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. – Kopenhagen: Einar Munksgaard – 1942).

Имеется также казахское издание "Кодекса куманов" (Кенесбаев С.К., Курышжанов А.К. О новом издании "Кодекс Куманикус" в Казахстане // Известия АН Казахской ССР. Сер. общественных наук. – Алма-Ата, 1964. – Вып. 3. – С. 35-45).

Языковые особенности "Кодекс Куманикус" в настоящее время исследованы достаточно хорошо и нет сомнения в том, что этот язык относится к кыпчакской группе тюркских языков (Чеченов А.А. Половецкий язык // Языки мира: Тюркские языки. – Бишкек: Изд. Дом "Кыргызстан", 1997. – с. 110-116; его же. Язык памятника XIV века Codex Cumanicus в ареальном освещении. – М.: Наука, 1978). К такому выводу приходили практически все исследователи этого ценного памятника.

Вместе с тем, при углубленном изучении специфических особенностей отдельных ветвей или представителей кыпчакских языков естественно возникает вопрос о родственных взаимоотношениях между языком "Куманского кодекса" и современными кыпчакскими языками, с одной стороны, и о степени чистоты самого языка этого памятника.

Библиография работ, посвященных исследованию языковых особенностей памятника "Кодекса Куманикус" весьма обширна и трудно поддается обзору. Однако для данного исследования это не столь важно, и поэтому достаточно ограничиться обзором основных работ.

Описанию языка "Кодекса" и исследованию специфических особенностей его строевых уровней посвящены работы как отечественных, так и зарубежных ученых-тюркологов, среди которых следует особо отметить исследования В.В.Радлова (Радлов В.В. О языке куманов: По поводу издания Куманского словаря // Записки Императорской Академии наук. – СПб., 1884. – Т. 48. – Кн. 2. - № 4. – 53 с., С.Е.Малова (Малов С.Е. К истории и критике Codex Cumanicus // Известия АН СССР. 7 сер. М., 1930. - № 5, с. 347-375), А.М. фон Габен (Gaben A.-M. von. Die Sprache des Codex Cumanicus // Philologiae Turcicae Fundamenta. – Wiesbaden, 1959. – Т. 1. – S. 46-73), А.К.Курышжанова (Курышжанов А.К. Язык старокыпчакских письменных памятников XIII-XIV века / АДД. – Алма-Ата, 1973. – с. 3-15 и др.), Э.Р.Теншишева (Тенишев Э.Р. Место кыпчакского (половецкого, куманского) и печенежского языков среди современных тюркских языков // Известия АН Казахской ССР: Серия филологическая. – Алма-Ата, 1975. - № 5. – с. 78-81), А.Н.Гаркавец (Гаркавец А.Н. Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский. – Алма-Ата, Наука, 1987), а также автора этих строк (Чеченов А.А. Язык "Codex Cumanicus"

cus" и его отношение к современным западнокыпчакским языкам / АКД. – М., 1979. – 19 с.) и др.

В ходе изучения языка "Кодекс Куманикус" в тюркологической науке возникли различные предположения о характере языка самого этого памятника, а также об историко-генетических взаимоотношениях языка данного памятника с живыми тюркскими языками различных ветвей кыпчакской и других групп.

Для нашей работы чрезвычайно важно установить хронологическое место языка "Кодекса Куманикус" и определить преемственные связи данного языка с современными тюркскими языками вообще и кыпчакскими – в первую очередь. Это вынуждает нас более или менее подробно останавливаться на существующих в специальной филологической литературе подходах к данным проблемам.

Один из первых исследователей особенностей языка "Кодекс Куманикус" О.Блау, без достаточных на то оснований, высказал предположение о том, что куманский (половецкий, кыпчакский) язык в родственном отношении стоит ближе всего к чагатайскому языку (Blau O. Über Volksthum und Sprache der Komanen // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. – Leipzig. 1976. – Т. 29. – S. 555-587).

Отечественный тюрколог В.В.Радлов, тщательно изучив специфические фонетические особенности куманского (половецкого, кыпчакского) языка, убедительно показал его причастность к западным тюркским наречиям и сблизил с мишар-

ским (диалектом татарского языка). (Радлов В.В. О языке куманов: По поводу издания Куманского словаря // Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению. Сер. VIII. – СПб., 1884. – Т. 48. – Прил. 1. – с. 52-53). Однако это предположение не нашло поддержки среди отечественных и зарубежных тюркологов и вскоре В.В.Радлов отказался от своей гипотезы. В последующей работе он настаивал на том, что язык "Кодекс Куманикус" генетически наиболее близок к языку караимов и крымских татар (имеется в виду северный или степной диалект крымскотатарского языка) (Radloff W. Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus // Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. Classe des sciences historico-philologiques. Ser. VIII. – СПб., 1887. – Т. 35. - № 6. – P. 6).

Еще в 1919 году профессор Н.В.Никольский высказал предположение о генетической близости между куманским (половецким, кыпчакским) и казанско-татарским языками (Никольский Н.В. Половцы и татары // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань, 1919. – Т. 30. – Вып. 2.). Истинный смысл этого высказывания, очевидно, состоит в том, что Н.В.Никольский имел в виду определенную историческую преемственность между средневековыми половцами и современными (казанскими) татарами (видимо, включая сюда и мишарей) и, следовательно, их языками. Сближения Н.В.Никольского относятся

к более высоким таксономическим уровням, чем языки, т.е. к уровням лингвистических подгрупп или даже групп.

Профессор Ж.Дени одним из первых среди тюркологов высказал предположение об исторической преемственности между отраженным в памятнике "Кодекса Куманикус" кыпчакским (куманским, половецким) языком и современными западнокыпчакскими языками – кумыкским, караимским и некоторыми говорами крымскотатарского языка (имеются в виду северные или степные диалекты последнего), а также языком армяно-кыпчакских памятников XVI-XVII веков (Deny J. Les indication sur des textes inedits en turc-kiptchak ou kiptchak-coman // Journal Asiatique. – Paris, 1921. – Ser. II. – Т. 68. – P. 134-135).

Академик А.Н.Самойлович в своих работах показал, что язык куманов (половцев) имеет много общего, прежде всего, с живыми языками западно-кыпчакской группы – кумыкским, карачаево-балкарским и крымско-татарским (под крымско-татарским он имел в виду северный или степной диалект этого языка, сохранивший архаичный кыпчакский строй, в отличие от огузированного южного) и считал "Кодекс Куманикус" историческим письменным памятником именно этой группы тюркских языков (Самойлович А.Н. Кавказ и турецкий мир // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. – Баку, 1926. - № 2. – с. 3-9); см. также: его же. Рец.: Н.А.Караулов. Краткий очерк грамматики языка "болкар" [Напечатано в "Сборнике материалов для описания местно-

стей и племен Кавказа". – Тифлис, 1912. – Вып. 42. – А. 4)] // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. – СПб., 1912. – Т. 21. – Вып. 4. – с. 0152-0161).

Обоснованное мнение академика А.Н.Самойловича было поддержано Б.В.Чобан-заде, который высказался о генинности кумыкского (половецкого, кыпчакского) и куманского языков и об исторической преемственности между ними (Чобан-заде Б.В. Предварительное сообщение о кумыкском наречии // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1925. - № 1. – с. 36-40). Таким образом, в тюркской филологии постепенно утверждается вполне обоснованное положение, согласно которому языку "Кодекс Куманикус" наиболее близкими оказываются те кыпчакские языки, которые по современным классификационным таксонам объединяются в кыпчакско-половецкую (по Н.А.Баскакову), или понто-каспийскую (по классификационной схеме А.М.Щербака) подгруппу кыпчакских языков.

Близость языка "Кодекс Куманикус", т.е. кумано-половецкого языка к караимскому, а также кумыкскому и крымскотатарскому, с одной стороны, и к языку армяно-кыпчакских памятников (подробнее об их языке будет сказано ниже) – с другой была констатирована также Ж.Дени (Deny J. Les indications sur des textes inédits en turc-kiptchak ou kiptchak-coman // Journal Asiatique. – Paris, 1921. – Ser. II. – Т. 68. – P. 134-135) и поддержано профессором Т.Ковальским (Kowalski T. Karaimische Texte im Dialekt von Troki. – Krakow, 1929. – S. 59-67).

О генетической близости строевых элементов куманского языка (по данным "Кодекс Куманикус") к армяно-половецкому (армяно-кыпчакскому), а также об их общности на уровнях фонетики и грамматики писали также Т.И.Грунин (Грунин Т.И. Документы на половецком языке XIV века: (Судебные акты каменец-подольской армянской общины). – М.: Наука: Гл. ред. вост. лит-ры, 1967. – с. 111-112) и А.Н.Гаркавец (Гаркавец А.Н. Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский. – Алма-Ата: Наука, 1987).

В своей обстоятельно работе, посвященной изучению языка "Кодекс Куманикус" А.М. фон Габен выделяет ряд общих элементов данного памятника и "современных наречий, функционирующих в районах бывшей золотоордынско-кыпчакской империи, а также казанско-татарского и караимского языков". Она считает уместным назвать язык "Codex Cumanicus" татарским или, вернее, старотатарским (Gabain F.M. von Die Sprache des Codex Cumanicus // Philologiae Turcicae Fundamenta. – Wiesbaden, 1959. – Т. 1. – S. 47-48). При этом надо заметить, что для нас остается непонятным, в каком значении употребляет термин (старо)татарский А.М. фон Габен: в широком (в смысле "тюркский", "западно-тюркский", "кыпчакско-тюркский"?) или в узком (в смысле "татарский", "поволжско-татарский", "казанско-татарский"?).

Н.А.Баскаков рассматривает кыпчакский (куманский, или половецкий) язык как один из древних языков кыпчакско-половецкой подгруппы тюркских языков. Из современных

языков в эту же подгруппу он включает караимский, кумыкский, карачаево-балкарский и крымско-татарский языки. (Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. – М.: Высш. шк., 1969. – с. 272-281; ср. также: его же: Тюркские языки. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960. – с. 145-155; его же: Введение в изучение тюркских языков. – М.: Высш. шк., 1962. – с. 229-240).

Вместе с тем, в тюркологии были предприняты попытки сближения куманского языка с восточно-кыпчакскими (= кыпчакско-ногайскими, или арало-каспийскими) языками, при этом исследователи опирались на ряд в общем то несущественных фонетических и морфологических признаков (например, соответствие куманского *g* и *γ* соответственно *j* и *w* – в зависимости от качества окружающих гласных; близкие формы спряжения и склонения и т.д.). (См., например, работы: Малов С.Е. Каракалпакский язык и его изучение // Каракалпакия: Труды I Конференции по изучению производительных сил Каракалпакской АССР. – Нукус, 1934. – Т. 2. – с. 200-207; его же. К истории казахского языка // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. М., 1941. - № 3. – с. 97-101; Сауранбаев Н.Т. Некоторые черты древнекыпчакского языка // Вестник Академии наук Казахской ССР. – Алма-Ата, 1948. – № 12. – с. 11-18; Тенишев Э.Р. Место кыпчакского (половецкого, куманского) и печенежского языков среди современных тюркских языков // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественная. – Алма-Ата, 1970. - № 5. – с. 78-81 и др.). Од-

нако следует подчеркнуть, что приводимые этими авторами фонетические и морфологические параллели скорее всего имеют аналогический (или типологический) характер, и, следовательно, не могут указать на гомогенность приводимых соответствий. Давно установлено, что не только в родственных, но и в иносистемных языках одинаковые звуковые комплексы в соответствующих условиях могут давать совершенно одинаковые рефлексy. Вместе с тем в языках западно-кыпчакской (канглыйской, или арало-каспийской) подгруппы выявляется довольно много автономных фонетических и морфологических особенностей, отличных от языков западно-кыпчакской (куманской, или понто-каспийской) подгруппы, которые никак нельзя выводить из куманского или западно-кыпчакского. В случаях совпадения восточно-кыпчакских и западно-кыпчакских, включая сюда и язык "Кодекс Куманикус", форм логичнее всего предполагать об аналогичном развитии пракыпчакских форм в обеих этих ветвях кыпчакских языков. Судя хотя бы по хронологическим параметрам, язык "Кодекс Куманикус" никак не может претендовать себя на место общего предка всех существующих ныне кыпчакских языков. Репрезентативный эмпирический материал современных кыпчакских языков показывает, что к западно-кыпчакским языкам в историко-генетическом смысле наиболее близко стоят северо-кыпчакские (точнее – казанско-татарский, а генетические связи башкирского языка совершенно уникальны и требуют углубленного изучения; включение башкирского

языка в северо-кыпчакскую, или даже вообще в кыпчакскую ветвь объясняется скорее всего многократными и длительными мощными кыпчакскими влияниями на него – среднекыпчакским, казахским, казанско-татарским и т.д. языками. Об этом см. подробнее: Егоров Н.И. Проблемы периодизации истории татарского и башкирского языков // Проблемы духовной культуры народов СССР / Тезисы докладов и выступлений. – Уфа, 1991. – с. 134-138; Чеченов А.А. Историческая фонетика карачаево-балкарского языка. – М., 1996. – с. 53-75), чем западно-кыпчакские. Весь языковой материал кыпчакских языков показывает, что пракыпчакский язык вначале распался на восточный (канглы́йский) и западный (куманский) (и задолго до монгольского периода!) и только после распада Золотой Орды из западно-кыпчакского языка – основы выделилась северо-кыпчакская (точнее – татарская: казанско-татарская + мишарская) ветвь. Следовательно, язык "Кодекс Куманикус" ни в коей мере не может считаться предком или основой восточно-кыпчакских языков. В определенной степени его можно считать условным предком западной ветви кыпчакских языков, но в действительности в "Кодекс Куманикус" отразился совершенно конкретный диалект западно-кыпчакского языка, генетически наиболее близкий к понто-каспийским кыпчакским языкам вообще, а географически – к старому крымско-татарскому и старокараимскому.

Не случайно казахский исследователь А.К.Курышжанов, много лет своей жизни посвятивший изучению языка "Кодекс

Куманикус", включает этот памятник в число важнейших письменных источников по старо-кыпчакскому языку и рассматривает его как общий для всех северо-кыпчакских языков письменный памятник. (Курышжанов А.К., Репин Б.М. К истории изучения языка древнекыпчакских памятников XIII-XVII веков // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественная. – Алма-Ата, 1996. - № 4. – с. 39, 43). Это, конечно, правомерно как с историко-этногенетической, так и с историко-филологической точек зрения.

Вместе с тем, "Кодекс Куманикус", являющийся письменным памятником средневекового кыпчакского (куманского, половецкого) языка, может и должен служить одним из главнейших достоверных источников для сравнительно-исторического (компаративного) и сопоставительного (контрастивного) изучения многих современных тюркских языков и, конечно, в первую очередь, кыпчакских – кумыкского, караимского, карачаево-балкарского, крымско-татарского, а также татарского и башкирского, казахского, каракалпакского, ногайского, кыпчакских диалектов узбекского и т.д., не исключая и такие генетически далекие, как якутский и чувашский. Вместе с тем, нельзя считать язык этого памятника, как и язык армяно-половецких документов, непосредственным предком, скажем, канглынской (арало-каспийской) или уральской (татаро-башкирской) ветвей кыпчакских языков, не говоря уже о языках огузской, карлукской, сибирской и, тем более, якутской или булгарской ветвей.

Следует особо отметить, что даже в языке относительно "чистого" памятника западно-кыпчакского (куманского, половецкого) языка практически все исследователи выделяют довольно значительный объем огузских элементов (у разных авторов объем огузизмов в куманском языке, естественно, разный, что зависит, скорее всего, не от объективных причин, а от целей и возможностей автора). Природа "огузского" компонента в куманском языке требует специального изучения, т.к. огузские элементы в западно-кыпчакском можно объяснить различным образом:

1. праязыковое наследие;
2. субстратное приобретение
  - а) болгарское (?),
  - б) хазарское,
  - в) печенежское,
  - г) узское (огузское, торкское, ковийское и т.п.);
3. адстратное приобретение;
4. суперстратное приобретение (новоприобретения от огузских племен, прибывших на волне монгольской экспансии; вспомним также о северокавказских и нижневолжских туркменах и других волнах огузской экспансии южнорусских степей вплоть до Османской империи и т.д.).

В принципе ни один из предполагаемых вариантов кыпчакско (куманско)-огузских контактов нельзя отбрасывать со счетов, скорее всего надо полагать об их последовательном наложении друг на друга.

По общему мнению большинства тюркологов, изучавших специфические особенности различных уровней строевых элементов языка "Кодекс Куманикус", язык этого памятника в определенном смысле является смешанным "кыпчакско-огузским" с преобладанием в нем кыпчакского элемента, но со значительным огузским компонентом (Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. – М.: Высш. шк., 1969. – с. 273; Грунин Т.И. Документы на половецком языке XVI века. (Судебные акты каменец-подольской армянской общины). – М.: Наука; Гл. ред. вост. лит-ры, 1967. – с. 106; Гаркавец А.Н. Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский. – Алма-Ата, 1987 и др.). Уже поэтому не совсем правомерно некритическое привлечение материалов "Кодекс Куманикус" к процедуре реконструкции прагыпчакского языка.

Вместе с тем надо отметить и еще один немаловажный и существенный факт. Для передачи звуков куманского (половецкого, кыпчакского) языка в "Кодекс Куманикус" использована латинская графика, а точнее – буквы и лигатуры итальянского и немецкого языков, которые сплошь и рядом не соответствуют истинным звукам живого разговорного тюркского языка. Не всегда помогает точной передаче тюркских (= старокупчакских) звуков и обращение составителя "Кодекса" к специальным буквенным, буквенно-диакритическим, аббревиационно-диакритическим знакам, характерным канцелярскому латинскому письму того времени. Один и тот же куманский (старокупчакский) звук в данном памятнике сплошь

и рядом отображается совершенно различными способами, что сильно затрудняет фонетическую идентификацию того или иного знака или символа (См. таблицу "Латинские обозначения куманских звуков" в книге: Гаркавец А.Н. Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский. – Алма-Ата, 1987. – с. 21-33). Реконструкция подлинного звучания куманских (половецких, старокыпчакских) звуков данного памятника в основном проводится путем сравнения с современными живыми кыпчакскими языками (прежде всего с юго-западными) и поэтому при реконструкции фонетической системы пракыпчакской фонетической системы пользоваться материалами данного памятника более чем рискованно. Поэтому в своих построениях фонетического строя пракыпчакского языка мы вынуждены крайне редко обращаться к материалам даже относительно "чистого" в языковом отношении памятника "Кодекс Куманикус". Тем не менее, в относительно спорных случаях данные этого памятника имеют относительно высокое решающее значение, чем более поздние и "более смешанные" огузо-кыпчакские памятники мамлюкского Египта.

Армяно-кыпчакские памятники

В эту группу письменных памятников кыпчакского языка входят армянографичные тексты делового, клерикального, учебного и научного содержания из армянских колоний, су-

ществовавших на Украине (главным образом в районе Каменец-Подольска и Львова), а также в Польше, Молдавии, Валахии и Малой Азии в XVI-XVII вв. (Грунин Т.И. Памятники половецкого языка XVI века // Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию. – М., 1953. – с. 90-97; Абдулин И.А. Армяно-кыпчакские рукописи и их отношение к диалектам татарского языка // Материалы по татарской диалектологии. – Казань, 1974. – Вып. 3. – с. 166-185; Гаркавец А.Н. Армяно-кыпчакские письменные памятники XVI-XVII веков // средневековый Восток. – М., 1980. – с. 81-90; его же. Две новонайденные армяно-кыпчакские рукописи // Тюркологический сборник: 1977. – М., 1981. – с. 76-80; его же. Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский. – Алма-Ата: Наука, 1987. – с. 114 и след.; Кудаков С.Ж. Армян жазулы йыпшай ескерткіші "Дана Хикар сөзінін" тілі. – Алматы: Ғылым, 1990; Deny J., Trujarski E. La litterature armeno-kiptchak // *Philologiae Turcicae Fundamenta*. – Wiesbaden, 1964. – Т. 2. – P. 801-808).

Известные в настоящее время армяно-кыпчакские памятники обычно объединяются в пять основных групп: 1) исторические хроники; 2) правовые и актовые документы; 3) филологические труды; 4) светские художественные произведения и 5) культово-религиозная литература. Каждой из этих групп свойственны определенные лингвистические и жанрово-стилистические особенности, но на уровне фонетики они не отражаются.

Первые издания памятников старокрыпчакского языка на арманской графической основе носили сугубо арменоведческий характер. Первая публикация хроники о событиях в Каменец-Подольске, имевших место в период с 1560 по 1652 гг. была осуществлена в 1896 году Г.Алишаном. Следующее издание было предпринято профессором филологии Ф. фон Крелитц-Грайфенхорстом, специально занимавшимся армяно-турецкими языковыми взаимоотношениями. Это издание было первой научной публикацией армяно-кыпчакского текста, выполненной в соответствии с требованиями современной науки. Она состоит из текста в оригинальной армянской графике, транслитерации на арменистической основе, немецкого перевода и лингвистических комментариев. Ф. фон Крелитц-Грайфенхост первым установил кыпчакский тип тюркского языка и назвал его, по принятой в то время терминологии, "татарским" или "армяно-татарским". В филологических примечаниях к тексту он указал также на ряд особенностей кыпчакского перевода псалма, которые сохраняют свое значение и в современной тюркологии (подробнее см.: Севортян Э.В. От редактора // Документы на половецком языке XVI века. (Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины) / Транскрипция, перевод, предисловие, введение, грамматический комментарий и глоссарий Т.И.Грунина. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1967. – с. 15-16).

Одним из основных исследований языка армяно-кыпчакских памятников является фундаментальный труд

Ж.Дени (Deny J. L'armeno-coman et les "Ephemerides" de Kamieniec (1609-1613). – Wiesbaden, 1957). Свою публикацию памятника известный тюрколог-османист снабдил обширным историческим введением об армяно-куманских (половецких, кыпчакских) связях, а также исследованием самого памятника, его графики, фонетических, грамматических и лексических особенностей. Основную часть публикации Ж.Дени составляют транскрибированный текст и его французский перевод, снабженные подстрочными комментариями и, наконец, два глоссария – аппелятивной лексики памятника и собственных имен (См. рец. Грунин Т.И. // Вопросы языкознания. – 1958. - № 6. – с. 113-116).

Начиная с 1957 года, с легкой руки Ж.Дени, с небольшими перерывами появляются все новые и новые публикации армяно-кыпчакских памятников, а также филологических исследований самих текстов и их языка, среди которых назовем лишь труды М.Левицкого и Р.Коновой (Lewicki M., Kohnowa R. La version turque-kiptchak du "Code des lois des Arméniens polonais" // Rosznik Orientalistyczny. – Warszawa. – 1957. – N. 21. – S. 153-30), Э.Трыярского (Tryjarski E. Aus der Arbeit an einem ermenisch-kiptschakisch-polnisch-französischen Wörterbuch // Ural – Altaische Jahrbücher. – Wiesbaden, 1960. – Bd. 32. – Hf. 3-4. – S. 191-213), Ж.Дени и Э.Трыярского (Deny J., Tryjarski E. "Histoire du sage Hikar" dans la version armeno-kiptchok // Rosznik Orientalistyczny. – Warszawa, 1964. – T. 27. – Z. 2. – S.

7-61), О.С.Оганяна, Э.Шютца, С.Э.Кудасова и др. (Подробнее см.: Севартян Э.В. Цит. раб., с. 15-22).

Важнейшей в отечественной тюркологии публикацией армяно-кыпчакских памятников следует признать издание, судебных актов Каменец-Подольской армянской общины, осуществленное Т.И.Груниным в 1967 году в серии "Памятники письменности Востока". Данный труд снабжен обширными предисловием и введением, где освещаются история возникновения армянских колоний в Каменец-Подольске в 50-60-х годах XVI века, исторические сведения о куманах-половцах и их связях с армянами и другими народами Восточной Европы, рассматриваются источники изучения половецкого языка, в том числе и оригинальные источники на армяно-кыпчакском языке, дается общая характеристика армяно-кыпчакскому языку. Основную часть данного фундаментального исследования составляют транскрипция текстов документов, их перевод на русский язык, грамматический очерк армяно-кыпчакского языка и полный глоссарий (включая словари собственных имен и географических названий), документы на половецком языке XVI века, судебные акты Каменец-Подольской армянской общины (транскрипция, перевод, предисловие, введение, грамматический комментарий и глоссарий Т.И.Грунина. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1967).

В настоящее время ведутся интенсивные поиски и публикации новых архивных материалов по армяно-кыпчакскому языку. Несомненно, должны существовать в различных архи-

вах Украины, Молдавии, Румынии, Польши и других стран письменные источники армянских колоний, размещавшихся в XV-XVII веках в Крыму, Киеве, Луцке и других городах.

Язык армяно-кыпчакских памятников, по общему мнению специалистов, представляет собой один из юго-западных (кыпчакско-половецких, понто-каспийских) кыпчакских языков. По специфическим особенностям своих строевых элементов он наиболее близко стоит к кумыкскому, карачаево-балкарскому, тракайскому диалекту караимского языка, куманскому языку (языку "Кодекс Куманикус"), кыпчакским урумским говорам и горным говорам крымско-татарского языка.

Один из ранних исследователей армяно-половецких документов Ж.Дени еще в 1921 году пришел к выводу, что армяно-кыпчакский язык в своей основе был близок не только к языку "Кодекс Куманикус", но и, более конкретно, к языку современных караимов и кумыков. Вместе с тем, Ж.Дени отмечал также полное отсутствие в армяно-кыпчакском следов влияния османского (= турецкого) языка и отчетливое проявление следов уйгурского влияния.

Уйгурско-кыпчакские языковые взаимоотношения, следы которых в определенной мере проявляются в армяно-кыпчакском, очевидно следует отнести к относительно ранним периодам древнекыпчакского языка, по крайней мере, к эпохе до XI века, т.е. к тому периоду истории, когда кыпчаки (кума-

ны, половцы) находились в пределах Средней Азии, в составе караханидского государства.

Лингвистическая ценность армяно-кыпчакских письменных памятников состоит в том, что в них отразилась живая разговорная речь кыпчаков (половцев, куман) XVI-XVII вв. Надо также особо отметить, что в некоторых документах из Каменец-Подольска параллельно применены две системы письма: на армянской и латинской графической основе. Это дает в руки исследователей материал к более точному и достоверному уяснению фонетической системы армяно-кыпчакского языка, к пониманию путей приспособления армянской письменности к фонетическому строю кыпчакского языка.

В основном армяно-кыпчакский язык XVI-XVII веков хорошо сохранил все специфические черты старо-кыпчакского (половецкого, куманского) языка. Вместе с тем тюркологи давно отмечают, что западно-кыпчакские (кыпчакско-половецкие, понто-каспийские) языки действительно имеют довольно много черт, общих со старыми языками огузских племен. Очевидно, определенные огузско-кыпчакские языковые параллели, за исключением явно поздних огузских инноваций в отдельных кыпчакских языках (например, в караимском, крымско-татарском и др.), восходят к пракрыпчакскому периоду и даже более глубоким эпохам.

Язык армяно-кыпчакских памятников является важнейшим источником, из которого можно черпать интересные сведения об одном из старо-кыпчакских языков более позднего периода,

чем, скажем, язык "Кодекс Куманикус". Вместе с тем в самом армяно-кыпчакском можно различать различные стилистические уровни и направления – язык чисто религиозных сочинений, язык судебно-правовых документов, язык начатков художественной литературы назидательно-апокрифического содержания и т.д.

Содержание

Предисловие	3
Письменные памятники кыпчакских языков	4
Мамлюкско-кыпчакские памятники	10
"Кодекс Куманикус"	26
Армяно-кыпчакские памятники	43

ЛР №

Формат 84x108 /-

Бумага офсетная. Гарни

Издат

360000, г.На